

М. Тескаро

Университет Вероны
(Верона, Италия)

НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВОМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РИМСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Проблема невостребованной доли наследственного имущества является актуальной для всех правовых порядков, так как ее решению зачастую не способствует даже включение в круг наследников по закону неограниченного числа родственников. В связи с этим важным представляется изучение порядка регулирования выморочного имущества, который, в свою очередь, отличается в зависимости от государства.

Если говорить о наследовании имущества государством, нужно принять во внимание то, что существуют правовые порядки, следующие римской правовой традиции. В последнее время они претерпели значительные реформы (как, например, право Бразилии), но остаются верными публично-правовому подходу, зародившемуся в эпоху Средневековья и продолжившему развитие в праве Франции, а впоследствии нашедшему подтверждение, пусть даже лишь с точки зрения международного частного права, в Регламенте ЕС о трансграничном наследовании 2012 г. По мнению автора, в будущем необходимо отдать предпочтение противоположной частноправовой концепции, характерной для права Германии, Испании и Италии (и это только некоторые среди многих других государств романо-германской правовой системы, воспринявших упомянутую концепцию). Данную позицию можно обосновать, если взглянуть на проблему сквозь призму сравнительно-исторического подхода, таким образом отдавая дань положениям римского права и при этом адаптируя их к современным реалиям.

Ключевые слова: наследственное право, наследование по закону, наследование в пользу государства, европейское частное право, традиции римского права

Для цитирования

Тескаро М. Наследование имущества государством сквозь призму римской правовой традиции // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 69–86. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_69.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_69

Введение

В истории права и сравнительного правоведения всегда существовала и остается актуальной проблема невостребованной доли наследственного имущества. Решить ее невозможно даже путем включения в круг наследников по закону неограниченного числа родственников [Zimmerman 2016: 59], так как у наследодателя их может попросту не оказаться или потенциального наследника будет достаточно сложно отыскать [Ibid: 55], даже несмотря на все более и более возрастающую активность «охотников за наследством»¹.

Кроме того, могли бы возникнуть проблемы в связи с возможностью перехода наследства в пользу «смеющихся наследников» (лиц, которые *de jure* являются наследниками по закону, однако находятся в настолько дальнем родстве с умершим, что не имели с ним никакой личной связи и, следовательно, не чувствуют скорби из-за его смерти).

Исследователи говорят о том, что достаточно сложно оценить частотность случаев, в которых имущество остается невостребованным [Comparative Succession Law 2015: 478]. А. Рётель проводит противоположные данные, в соответствии с которыми

¹ См. в судебной практике Италии: Cass., 14 maggio 2014, no. 10397 (Jus civile. 2015. P. 550 ss.). См. также су-

дебную практику Германии: [Olzen, Looschelders 2017: 59; Brox, Walker 2018: 54].

в 2006 г. в Гамбурге из 17 тыс. открывшихся наследств около 100 остались невостребованными [Röthel 2007: 193]. Во Франции в 2015 г. Главное управление государственных финансов зарегистрировало 25 тыс. случаев невостребованного наследниками или выморочного имущества [Housseir 2018: 107]. Так или иначе, вопрос перехода имущества в пользу государства приобретает все большую актуальность, в особенности в условиях экономического кризиса. В Испании в последнее время участились случаи перехода наследственного имущества в пользу государства, так как потенциальные наследники отказываются от наследования во избежание выплаты налога на наследство или ответственности по долгам наследодателя. Например, в 2007–2012 гг. число отказов выросло вдвое, с 11 047 до 23 228, а в 2014 г. и вовсе увеличилось в три раза и составило 34 319 случаев [Cámara Lapuente 2015: 112].

Традиционно применяются два подхода к разрешению указанной ситуации [Cicu 1947: 205]. Первый – публично-правовой, уходящий корнями в эпоху Средневековья и получивший развитие в праве Франции. В соответствии с ним государство получает невостребованное имущество в силу своих суверенных полномочий. Второй подход – частноправовой, характерный для римского права [Catalano 1974]¹ (в котором невостребованное имущество переходило к *heredis loco*) и впоследствии развившийся в праве Германии. Он сосредоточивает внимание на роли государства в качестве наследника.

Современное итальянское законодательство при решении вопроса о невостребованном имуществе в большей степени склоняется к частноправовой концепции, хотя и не в полной мере разграничивает понятия невостребованного и выморочного имущества, что можно прояснить лишь после подробного изучения римской традиции.

В данной статье рассматривается также законодательство Испании, придерживающееся римской традиции и представляющее интерес с точки зрения сравнительно-правового анализа, так как содержит достаточно ценные положения, касающиеся вопроса о соотношении невостребованного и выморочного иму-

щества. Кроме того, проводится анализ бразильского законодательства, которое недавно претерпело реформы (что могло бы означать появление новых подходов к решению исследуемого вопроса) и продолжает демонстрировать приверженность публично-правовой концепции. В последнюю очередь автор обращается к ст. 33 Регламента ЕС № 650/2012 о наследовании. Ее анализ позволит сделать вывод о целесообразности применения к решению проблемы, поставленной в исследовании, частноправового подхода, учитывающего и наследие римского права, и темпы развития современного права.

Римское право и получение наследства в качестве *heredis loco*

В римском праве для распоряжения невостребованным имуществом, в отношении которого не объявилось ни наследников, ни *bonorum possessors* (или имущество так или иначе не было истребовано у них), был учрежден институт *usucapio pro herede*. В силу него обращение невостребованного имущества, считавшегося ничейным (*nullius*), в свое владение каким бы то ни было лицом, даже недобросовестно, не составляло хищения, и спустя год такое лицо приобретало право собственности на соответствующее имущество [Garcia Garrido 1996: 511; Dusi 1891: 386].

В силу наличия многочисленных пробелов в праве в античную эпоху невостребованное имущество, как и ничейное имущество, не защищалось законом. Логично предположить, что в начальный период развития римского права наследственное имущество, по аналогии с *res nullius*, переходило к лицу, которое первым завладело имуществом. Подобная норма соотносилась с присущим римскому обществу индивидуализмом; например, в рамках международного права действовал принцип «Добыча – лучший способ приобретения права собственности» (*Maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent*). Однако в сфере частного права главенствовал принцип общности имущества, если отсутствовало лицо, обеспечивавшее его защиту и сохранность. Со временем отсутствие регулирования способов приобретения права собственности на наследственное имущество было признано несправедливым, и пробелы были устранены. В первую очередь было запре-

¹ При этом отметим, что желательно избегать использования современного понятия «государство» в отношении государства в эпоху действия римского права.

щено приобретение права собственности на наследственное имущество лицом, первым завладевшим имуществом, за исключением случаев, когда такое лицо не было осведомлено о том, что приобрело имущество недобросовестно, и владело им больше года.

В республиканскую эпоху характер способа приобретения права собственности в силу давности фактического владения (*usucapio*) изменился, в связи с чем приобретение всего объема наследственной массы указанным выше путем стало невозможным, и положение сохранило силу только в отношении отдельных предметов имущества. В свою очередь, кредиторам умершего, не оставившего наследников (*cui heres non extabit*), преторский эдикт предоставил право обращения взыскания на невостребованное имущество с целью его реализации путем продажи (*bonorum venditio*). С принятием в XVIII в. до н. э. закона Августа о браке сословий (*Lex Julia de Maritandis Ordinibus*) при отсутствии взыскания со стороны кредиторов и при превышении стоимости имущества над размером долга наследодателя¹ был предусмотрен переход невостребованного наследственного имущества (*bona vacantia*) в государственную казну («эрарий римского народа», *aerarium*), а позднее, в эпоху Каракаллы, – в императорскую казну (фиск, *fiscus*) [Astolfi 1965; Voci 2004: 597].

Данный подход также действовал в классический и постклассический периоды развития римского права за некоторыми исключениями. Невостребованное имущество не всегда переходило в императорскую казну, а могло передаваться определенному сообществу или органу, к которым принадлежал или с которыми был тем или иным образом связан умерший. Например, имущество военного подлежало переходу его военной части, имущество членов городского совета – Сенату (*curia*), а также в зависимости от рода деятельности умершего лица – профессиональным объединениям, к примеру пекарей, моряков и т. п. Имущество священнослужи-

телей, епископов и монахов передавалось соответствующей церкви или монастырю².

Таким образом, в римском праве, во всяком случае в основные периоды его развития, предполагалось, что невостребованное наследственное имущество переходит (согласно известной правовой максиме *Fiscus post omnes* («Государственная казна (в качестве должника) – на последнем месте». – прим. пер.) в государственную казну, а впоследствии – в императорскую [Velo Dalbrenta 2018: 8; Talamanca 1990: 679; Guarino 2001: 490]. При этом в правовой доктрине нет единодушного согласия относительно правовой природы подобного перехода. Причиной сказанному частично может служить тот факт, что наиболее известные источники римского права более поздних периодов, регулирующие наследование по закону, а именно новеллы 118 и 127 Юстиниана I, не предусматривали наследование имущества государством [Zimmerman 2016: 55].

В римском праве, во всяком случае в основные периоды его развития, предполагалось, что невостребованное наследственное имущество переходит в государственную казну, а впоследствии – в императорскую

Точка зрения, к которой склоняются, кроме прочих [Mengoni 1999: 216; Lovato, Pulitiatti, Solidoro 2017: 746], немецкие правоведы, заключается в том, что государственная казна в Древнем Риме являлась не наследником в истинном смысле, а универсальным правопреемником, к которому имущество переходило «вместо наследника по закону» [Savigny 1898: 319]. Таким образом, в данном случае можно говорить об универсальном правопреемстве согласно нормам частного права, а не о наследовании по закону, поскольку в римском праве в число наследников изначально могли входить лишь строго определенные лица – *domestici heredes*

¹ Государство приобретало только наследство, в котором имущество превышало долги, распределяло завещательные отказы и платило по долгам. В противном случае наследственная масса переходила в пользу кредиторов [Voci 2004: 597]. Если пассивы преобладали над активами, государство уступало наследственное имущество кредиторам, которые реализовывали его путем продажи (*bonorum venditio*) [Guarino 1997: 490].

² О развитии положений римского права в рассматриваемом вопросе см.: [Lovato, Pulitiatti, Solidoro 2017: 629, 633, 637, 670, 746], где освещается проблема налога на наследство в размере 5 %, который был установлен императором Августом (*lex de vicesima hereditatum*), увеличен до 10 % Каракаллой и упразднен в эпоху Юстиниана.

(т. е. лица, входившие в состав *familia* умершего. – прим. пер.) [Mengoni 1999: 216; Coviello 1937: 273; Lovato, Puliatti, Solidoro 2017: 657]. Позднее вследствие более широкого толкования центральную роль в определении права наследования стало играть кровное родство с наследодателем [Lovato, Puliatti, Solidoro 2017: 660].

Следует также отметить позицию меньшинства правоведов, согласно которой невостребованное имущество (*bona vacantia*) переходило в императорскую казну в случае первоначального приобретения права собственности на вещь, созданную в результате выполнения определенной работы (понятие достаточно противоречивое с формальной точки зрения), в соответствии с принципами публичного права, основанными на суверенитете народа или императорской власти [Barassi 1947: 243].

Подобный подход, представляющийся в какой-то степени некорректным с точки зрения римского права, зародился в эпоху Средневековья и соотносился с принципами феодального общества. Действительно, в этот исторический период невостребованное имущество переходило в пользу суверена, что соотносилось как с публично-правовым пониманием концепции верховенства государственной власти, так и с частноправовым принципом, предусматривающим право государства на отчуждение частной собственности, что рассматривалось как способ увеличения объема государственного имущества в результате прекращения права пользования, временно предоставленного тому или иному лицу [Vagni 2018: 284], и, таким образом, являлось приобретением земли в пользу государства. Строго говоря, указанный принцип должен определяться как *consolidation* [Trabucchi, Rasi Caldugno 1971: 784; Rizzuti 2015: 453] (или *consolidamento*) [Mosconi, Campiglio 2016: 278]. Иногда он называется привилегированным правом оккупации [Mengoni 1999: 217].

В любом случае, анализируя многолетнюю практику употребления понятий привилегированного права оккупации и *consolidatio*, можно сделать вывод о том, что это варианты обозначения одной и той же концепции, в основе которой лежит публично-правовой подход [Mengoni 1999: 237], и

главной его чертой является отличие от частноправового подхода [Vagni 2018: 283].

Л. Менгони утверждает, что понятие приобретения *jus occupacionis* (захват ничейной вещи. – прим. пер.) является не чем иным, как вариантом обозначения понятия приобретения с целью объединения (*consolidatio*) имущества, находившегося во владении частных лиц с государственным имуществом [Mengoni 1999: 237].

Л. Вагни разграничивает два подхода так: «Согласно первой теории невостребованное имущество переходит в пользу государства в случае отсутствия иных наследников. Подобный переход осуществляется в рамках частноправовых отношений и в силу действия норм наследственного права, если иное не предусмотрено законом. Напротив, вторая теория основывается на том, что в случае отсутствия наследников невостребованное имущество приобретает государством в силу его права отчуждения имущества частных лиц, находящегося на территории данного государства. Таким образом, государство приобретает первоначальный титул на имущество, что выступает проявлением суверенной власти государства» [Vagni 2018: 283].

П. Вотелет и М. Сальвадори пишут, что в соответствии с одним из подходов к наследованию невостребованного имущества государство может считаться наследником *sui generis* и в подобном случае наследовать наравне с другими наследниками в качестве конечного бенефициара. В иных правовых порядках право государства на приобретение невостребованного имущества не относится к институту наследственного права, а, напротив, считается преимущественным правом государства и, соответственно, рассматривается в качестве института публичного права. Таким образом, государство приобретает наследственное имущество в силу своего государственного суверенитета [Wautelet, Salvadori 2015: 435].

Также можно процитировать труды германских правоведов, указывающих, что «международное частное право различает два подхода – приобретение невостребованного имущества в соответствии с положениями наследственного права государства, а также в силу права государства на присвоение имущества» [Lange, Tischer 2017: 196].

Публично-правовой подход в праве Франции

Публично-правовой подход к решению рассматриваемого вопроса и отрицание того факта, что государство может считаться наследником умершего лица, продолжили распространяться в эпоху Нового времени, в особенности в результате публикации соответствующих трудов юристов Ж. Дома и Р.-Ж. Потье, главным образом (но не только) во Франции, где традиционно и вплоть до сегодняшнего дня используется формулировка *droit de déshérence* (право государства на выморочное имущество), произошедшая от латинского *deest heres* (отсутствующий наследник) [Baudry-Lacantinerie 1910: 440]. Она означает, что государство присваивает невостребованное наследственное имущество (см. актуальную формулировку в ст. 811 ГК Франции) в силу своих полномочий по охране государственного правопорядка – *droit de police générale* [Planiol, Ripert 1956: 237].

Понятие *droit de déshérence*, возможно, с учетом исторического периода основания французского государства¹, основывается на средневековой идее о праве государства на отчуждение частной собственности [Terré, Lequette, Gaudemet 2013: 209], хотя соответствующая реформа и была проведена в 1958 г., четко разграничив положение государства и всех иных наследников² и более не обозначая государство в качестве правопреемника в случае отсутствия наследников (*successore irregolare*) (при том что подобное обозначение продолжает фигурировать в доктрине) [Houssier 2018: 72, 76; Terré, Lequette, Gaudemet 2013: 211].

Указанный подход был применен уже в первоначальной редакции ст. 539 Гражданского кодекса, предусматривавшей, что все имущество, бесхозяйное и не имеющее собственника, а также имущество лиц, которые не оставили наследников или чье имущество после смерти осталось невостребованным,

¹ Схожую точку зрения см.: [Mengoni 1999: 237].

² Фактически в результате данной реформы все правопреемники, предусмотренные Гражданским кодексом 1804 г. на случай отсутствия у наследодателя законных наследников, получили статус наследников как таковых, за исключением государства, которое могло бы, однако, впредь считаться единственным правопреемником в случае отсутствия наследников или, что более вероятно, не обладать даже подобной характеристикой [Terré, Lequette, Gaudemet 2013: 209].

принадлежит государству. Статья 713 продолжает отражать названный подход, в том числе в результате внесения в нее последних изменений Законом от 13 августа 2004 г. № 809. Она гласит: «Имущество лиц, которые не оставили наследников или чье имущество осталось невостребованным, принадлежит государству».

Все соответствующие статьи Гражданского кодекса выверены таким образом, чтобы не было ни единой возможности толкования их в пользу роли государства в качестве бенефициара вследствие наследственного правопреемства. Например, ст. 768 до принятия Закона от 23 июня 2006 г. № 728 предусматривала, что «наследственное имущество приобретается (*est acquise*) государством», намеренно не используя слово *dévolue* («переходить в порядке наследственного правопреемства») [Mengoni 1999: 223]. Такая же формулировка присутствует сегодня в ст. 724 (в результате принятия Закона от 3 декабря 2001 г. № 1135). В данной норме тоже четко разграничиваются «наследники по закону» и «наследники по завещанию и дарополучатели в порядке универсального правопреемства» [Ibid].

Таким образом, французское право признает концепцию *succession aux biens*, что в определенном смысле подразумевает универсальное правопреемство со стороны государства, которое, однако, не является наследственным правопреемством и которое зачастую (но не всегда) не влечет за собой решение вопроса о выплате долгов наследодателя [Yildirim 2013]³. Хотя закон и не требует соблюдения подобной последовательности (что позволило бы государству незамедлительно, а точнее, в соответствии со ст. 771 Гражданского кодекса как минимум по прошествии четырех месяцев с момента открытия наследства, объявить имущество выморочным) [Yildirim 2013], по общему правилу наслед-

³ Г. Йилдирим уточняет, что государство может быть призвано в качестве должника по обязательствам наследодателя в пределах стоимости приобретенного имущества (без необходимости каких-либо заявлений или процедур для уменьшения объема своих обязательств *intra vires*, так как соответствующие ограничения проистекают из факта приобретения наследственного имущества в качестве суверена, а не наследника). Автор, однако, добавляет, что вопроса о выплате долгов наследодателя государством часто не возникает, поскольку имущество переходит в его пользу в результате процедуры признания имущества выморочным, в рамках которой и решается вопрос о долгах наследодателя.

ственное имущество, не востребованное наследниками умершего, подвергается процедуре признания такого имущества выморочным.

Данная процедура проводится государством с 1940 г., после реформы по лишению частных агентов соответствующего права, с тем чтобы государство могло управлять не востребованным наследственным имуществом и удовлетворить требования кредиторов умершего (речь, очевидно, идет о временном управлении, что является действием, входящим в компетенцию государства, – *intra vires*) [Leroyer 2020: 138; Yildirim 2013]. Если по итогам такой процедуры в наследственном имуществе останутся активы [Grimaldi 2017: 185]¹, они признаются выморочным имуществом [Yildirim 2013]. Таким образом, государство не обладает правом на так называемую сезину², напротив, оно в судебном порядке вступает во владение и окончательно приобретает права на оставшиеся активы [Ibid].

Исключения составляют случаи, при которых в течение 10 лет с момента открытия наследства (срок исковой давности, который может быть прерван или приостановлен) наследник принимает наследство в соответствии со ст. 811-2 Гражданского кодекса, и государство обязано вернуть наследнику (или наследникам) имущество, полученное им в результате процедуры обращения в свою пользу не востребованного наследственного имущества [Ibid]. Однако в результате реформы, проведенной Законом от 23 июня 2006 г. № 728, государство может прибегнуть к *actio interrogatoria* (иск, основывающийся на признании ответчиком или противником известных фактов или обстоятельств. – *прим. пер.*) в отношении наследников, не определившихся в вопросе принятия наследства или отказе от него (согласно ст. 771 Гражданского кодекса).

¹ Процедуру объявления имущества выморочным нельзя путать с процедурой приобретения государством не востребованного наследственного имущества, так как процедура объявления имущества выморочным подразумевает возможность управления им, а процедура приобретения государством не востребованного имущества – это окончательное закрепление прав государства на такое имущество.

² *Saisine* – автоматический переход наследственного имущества в собственность наследника. Об этом ключевом для французского права понятии см.: [Houssier 2018: 110], где уточняется, что право на сезину включает в себя набор прав, принадлежащих определенным наследникам, – *successieurs saisis*. Так, наследники могут принять наследственное имущество, получая права владения, управления и распоряжения им.

Традиционный для французского права подход был еще раз подчеркнут и подтвержден в Законе от 23 июня 2006 г. № 728, который закрепил понятия «невостребованное имущество» и «выморочное имущество» в разных статьях (ст. 809–811-3) одной и той же главы Гражданского кодекса.

Частноправовой подход в праве Германии

В результате упразднения системы феодализма с присущим ей правом государства на отчуждение частной собственности прежняя роль государства в анализируемом нами вопросе могла рассматриваться только сквозь призму понятия привилегированного права оккупации. Так как для осуществления подобного права наследственная масса не должна быть обременена долгами, представляется, что государство может стать наследником в результате процедуры ликвидации наследства (она заключается в призывании к наследству наследников по закону и по завещанию, определении состава наследственной массы и выплате долгов. – *прим. пер.*). Данный подход, который, как мы говорили, предусмотрен, в частности, правом Франции, был изучен, но отвергнут еще на стадии подготовки Германского гражданского уложения (ГГУ), поскольку он может быть связан с определенными рисками, например с обнаружением иного наследственного имущества после завершения процедуры ликвидации [Mengoni 1999: 224].

Надо сказать, что в рассматриваемом вопросе важную роль сыграли пандектисты, первыми [Vagni 2018: 285] разработавшие частноправовой подход, соответствующим образом истолковав положения римского права [Zimmerman 2015: 194]³. Кроме того, произошел отказ от типичного для римского права строгого подхода к квалификации лица в качестве наследника (которым в Новое время уже является любое лицо, наследующее в рамках универсального правопреемства) [Mengoni 1999: 216; Cicu 1927: 160]. Это позволило устранить препятствия к восприятию государства в качестве наследника в случае приобретения им не востребованного имущества.

³ Р. Циммерман излагает позицию Готфрида фон Шмитта при подготовительных работах к принятию ГГУ и подчеркивает, что выбор, сделанный германским законодателем, соответствовал исторически сложившейся традиции.

Таким образом, германское право, как и право многих других стран¹, недвусмысленно указывает на то, что государство является наследником. Основным положением, подтверждающим данное утверждение, является § 1936 ГГУ, в первоначальной редакции которого говорилось о государственной казне (*Fiskus*) как о законном наследнике (*gesetzlicher Erbe*) – формулировка, которая и сегодня фигурирует в § 1964, 1966, 2011, а также в § 2104 и 2149, предусматривающих, однако, определенные исключения. В последней редакции (с изменениями, внесенными Законом от 24 сентября 2009 г.) [Olzen, Looschelders, Erbrecht 2017: 57; Zimmerman 2015: 195] § 1936 использует иную формулировку, впрочем, сохранившую прежний смысл (применяя также глагол *erben* – «наследовать»), и гласит, что если у лица отсутствуют родственники, супруг или партнер, в случае смерти его имущество подлежит переходу в порядке наследования в пользу государства.

Как в доктрине, так и в законодательстве тот факт, что согласно ГГУ государство выступает наследником [Zimmerman 2016: 56], не подвергается оспариванию. Утверждается, что с правовой точки зрения право наследования государства имеет частноправовую природу и не является суверенным правом на присвоение имущества [Bierhenke 2016: 18, 22].

Следует отметить, что существуют определенные особенности наследования имущества государством. Согласно § 1922 ГГУ в отношении самих наследников действует принцип *Vonselbsterwerb* (автоматическое вступление в наследство. – прим. пер.). В силу него все имущество и обязательства умершего переходят к наследникам *ipso iure*, без необходимости проведения процедуры вступления в наследственные права [Lange, Tischer 2017: 84]². Подобные особенности, в частности, касаются процессуальных

аспектов и заключаются в необходимости установить отсутствие наследников в суде по наследственным делам (§ 1964 ГГУ). Данная процедура проводится после истечения срока для принятия наследства, и если ни один наследник не заявил о своих правах, государство вступает в права официального и законного наследника (§ 1966 ГГУ) [Krug 2018: 231; Kroib 2018: 124].

Германское право, как и право многих других стран, недвусмысленно указывает на то, что государство является наследником

Приведенная нами выше особенность хотя и является значимой, однако существенным образом не влияет на традиционный механизм перехода наследственного имущества, предусмотренный ГГУ, если учесть также то, что государство в любом случае выступает правопреемником в силу наследования по закону [Kroib 2018: 124].

Вопрос о выморочном имуществе в праве Италии

В ст. 721 Гражданского кодекса Италии 1865 г. говорилось, что в соответствии с законом наследственное имущество переходит к нисходящим наследодателя, к его родственникам по восходящей и боковой линиям, детям и супругу в порядке и согласно правилам, указанным в законе; в случае же отсутствия перечисленных лиц – в пользу государства. Статья 758 гласила, что при отсутствии лиц, которые могут быть призваны к наследованию в соответствии с правилами, изложенными в Кодексе, наследственное имущество отходит государству. Обе статьи содержались в книге III «О способах приобретения и передачи права собственности и других вещных прав» главы II «Наследственное право».

Указанный подход широко поддерживался, особенно в более ранних трудах [Gabba 1914: 191, 193]. Это вполне объяснимо, если учесть тесную связь между правом Италии и Франции, проявлявшуюся не только в области наследственных правоотношений. Сохранившееся влияние французского права на Гражданский кодекс 1942 г. [Fusaro 2017: 305; Kindler 2015: 362], возможно, является причиной того, что вплоть до сего дня

¹ См., например, ст. 2152–2155 Гражданского кодекса Португалии в части, посвященной наследованию государством. Кроме того, «государство рассматривается в качестве настоящего наследника» в законодательстве Гватемалы, Чили, Колумбии и Эквадора [Schmidt 2018: 158].

² См. также: [Kindler 2015: 363], где изучается вопрос о том, как законодатель избрал подобный путь, приняв решение отойти от подхода, принятого первоначальными авторами ГГУ, и, соответственно, избежать неопределенности, которая могла в результате подобного подхода возникнуть.

в некоторой степени отстаивается позиция о приобретении государством невестребованного наследственного имущества в силу его суверенных прав (*jure imperii*) [Gazzoni 2017: 496]. Несмотря на это в итальянской доктрине [Trabucchi 2019: 591; Vagni 2018: 291] и в особенности в судебной практике¹ все же преобладает частноправовой подход, в соответствии с которым государство воспринимается в качестве наследника в силу универсального правопреемства.

Для того чтобы продолжать отстаивать публично-правовой подход к решению рассматриваемого вопроса при том, что мнение о праве государства на принудительное отчуждение частной собственности полностью потеряло актуальность, единственной точкой опоры остается ссылка на первоначальное приобретение права собственности в силу суверенного права оккупации. Тем не менее с формальной точки зрения подобное обоснование представляется неубедительным. Во-первых, оккупация предполагает наличие бесхозяйной вещи – *res nullius* (которую теоретически может обратить в свою собственность любое лицо), что сложно себе представить, так как закон предусматривает приобретение в пользу конкретного субъекта (ст. 586 ГК Италии) [Santoro-Passarelli 1931: 619; Cicu 1947: 206; Trabucchi, Rasi Coldogno 1971: 784]. Во-вторых, право оккупации не затрагивает долги и обязательства умершего [Coviello 1937: 272; Santoro-Passarelli 1931: 619; Trabucchi, Rasi Coldogno 1971: 784], которые, однако, в соответствии с итальянским законодательством также переходят государству, пусть и в рамках ответственности *intra vires* (ст. 586 ГК Италии).

Тот факт, что ст. 586 ГК Италии устанавливает право государства на приобретение невестребованного имущества без возможности отказа, не лишает государство характеристики наследника, а, напротив, подчеркивает ее. Как мы отмечали в части, посвященной подходу, принятому в праве Германии, в современном понимании публично-правовой подход подразумевает правопреемство государства в результате процедуры ликвидации, исключая при этом приобретение в силу суве-

ренных полномочий государства. Несомненно, данная особенность, положительно выраженная в законодательстве, в свою очередь, является источником определенного несоответствия в отношении регулирования, касающегося иных наследников (которые в праве Италии считаются таковыми в случае принятия наследственного имущества). Однако подобное несоответствие вполне обоснованно с точки зрения наследственных правоотношений в свете необходимости закрытия наследственного дела [Trabucchi 2019: 591; Mengoni 1999: 224] и, следовательно, обязательного наличия наследника [Pollaco 1937: 141; Allara 1954: 96; Ciatti 2013: 629].

Принимая во внимание все сказанное, можно сделать вывод о том, что согласно действующему итальянскому законодательству и доминирующей точке зрения, принятой итальянской доктриной с 1942 г. [Natoli 1968: 70; Grosso, Burdese 1977: 70; Tamburino 1990: 1337], государство получает невестребованное имущество в качестве наследника. Это (при отсутствии иных наследников, предусмотренных ст. 586 ГК Италии) также подчеркивает связь гражданина с государством и ограничивает круг лиц, призываемых к наследованию, гражданами Италии [Mengoni 1999: 209; Ciatti 2013: 630; Bonilini 2018: 247; Coviello 1937: 280].

Вместе с тем в рамках указанного подхода существует и более расширительное толкование, согласно которому речь должна идти не о связи лица с государством посредством института гражданства, а о принадлежности лица к так называемой *comunità generale* [Bianca 2015: 248; Trabucchi, Rasi Coldogno 1971: 785]. Она включает в себя всех лиц, проживающих на территории государства [Spotti 2009: 879] (что, как мы увидим позже, является достаточно важным уточнением в свете положений международного частного права, нашедших отражение в Регламенте ЕС № 650/2012).

Необходимо отметить, что ГК Италии не отвечает на важный с практической точки зрения вопрос о соотношении между наследованием со стороны государства и выморочным имуществом [Di Lorenzo 2009: 1177; Bianca 2015: 101]. Какой должна быть стратегия кредиторов для того, чтобы взыскать долги с имущества, которое не было унаследовано членами семьи покойного? Есть два

¹ Cass., 26 gennaio 2010, № 1549 // Foro it. 2010. I. C. 2132; Cass., 4 marzo 2008, № 5794 // Fam. pers. e succ. 2008. P. 463; Cass., 11 marzo 1995, № 2862 // Not. 1996.

противоположных подхода к решению обозначенного вопроса, и оба они, по нашему мнению, вызывают определенные сомнения.

Первый подход состоит в учреждении управления над не востребовавшимся имуществом, проведении процедуры ликвидации и передаче в пользу государства оставшегося после выплаты всех долгов имущества [Cicu 1947: 207; Azzariti, Iannaccone 1997: 450, 454]. Очевидно, что подобная позиция противоречит нормам действующего итальянского законодательства и соотносится, скорее, с публично-правовым подходом [Mengoni 1999: 219], идя вразрез с частноправовой теорией, согласно которой, как мы выяснили, государство может в качестве наследника отвечать по долгам и обязательствам умершего.

Соответственно, можем предположить, что необходим кардинально иной подход, предписывающий то, что во всех случаях наличия не востребовавшегося наследственного имущества к наследованию призывается государство, к которому и должны обратиться свои требования кредиторы. Данная точка зрения воспринята городским судом Вероны¹ и прямо противоречит решению Кассационного суда Италии². С одной стороны, она теоретически соотносится с частноправовой позицией, но с другой – чрезмерно ограничивает возможности учреждения управления над имуществом и создает некую неопределенность, так как законодательством не предусмотрена специальная процедура, в результате которой утверждается отсутствие наследников.

Право Испании сквозь призму сравнительно-правового подхода

Законодательство Испании также придерживается подхода, в соответствии с которым в отсутствие иных наследников государство (или в отдельных ситуациях³ уполномоченные автономные области, в любом случае являющиеся представителями публичной власти) получает не востребовавшее имущество в качестве наследника, а не в силу сво-

их суверенных полномочий (*jure imperii*). Действительно, ст. 956 Гражданского кодекса Испании утверждает, что государство выступает наследником, а ст. 957 уточняет, что государство приобретает те же права и обязанности, что и наследники. Хотя в Гражданском кодексе и нет соответствующих прямых формулировок [Sanchez Calero 2019: 394; Mandrian Vazquez 2016: 160, 169], право Испании предусматривает институт выморочного имущества [Diez Picazo, Gullon 2017: 225]. Он может использоваться в случае неосведомленности потенциальных наследников об открывшемся наследстве [Diez Picazo, Gullon 2017: 166], и вступление государства в наследство происходит не автоматически, а в результате проведения процедуры, подтверждающей отсутствие наследников (действительно, ст. 958 ГК Испании подтверждает необходимость официального утверждения государства в качестве наследника) [Ysas Solanes 2016: 98].

Речь идет об административной процедуре, предусмотренной Законом 33/2003 «Об имуществе публичной администрации». Государство вступает во владение наследственным имуществом исключительно после проведения соответствующей процедуры и принимает на себя обязательство по ликвидации имущества. Более того, по общему правилу, государство не может отказаться от наследования⁴, однако обязательства по долгам умершего являются всегда *intra vires hereditatis*, т. е. в пределах стоимости полученного имущества (ст. 957 ГК Испании) [Tarabal Bosch 2019: 717; Diez-Picazo, Gullon 2017: 218].

В прошлом процедура вступления государства во владение наследственным имуществом являлась судебной [Cámara Lapuente 2015: 122; Nieto Alonso 2016: 297]. Однако Закон 15/2015 «О добровольной юрисдикции» с целью упрощения процедуры и изъятия ее из судебного ведения отнес ее к ведению административной власти [Galizia Aizpurua 2019: 569].

В рамках данного исследования мы не будем останавливаться на правилах решения рассматриваемого вопроса в автономных областях Испании (среди которых, надо ска-

¹ Trib. Verona (ord.) 26 ottobre 2017 // Studium iuris. 2019. P. 240 s.

² См. Cass., 31 marzo 1987, № 3087 (Giur. it. 1988. I. P. 1404), где утверждается, что управление над не востребовавшимся имуществом может быть учреждено в ситуациях, когда есть сомнения в наличии потенциальных наследников.

³ За исключением Балеарских островов, о которых см.: [Nieto Alonso 2016: 296].

⁴ Данная точка зрения является доминирующей, однако некоторые ученые оспаривают ее [Madriñán Vázquez 2016: 183; Nieto Alonso 2016: 301].

зять, примечательными особенностями обладает каталонская система¹), однако отметим, что право Испании представляет значительный интерес с точки зрения сравнительно-правового анализа. В некоторых автономных областях действуют четкие положения о переходе наследственной массы в пользу государства [Zimmerman 2016: 56]², а также о формальной процедуре, утверждающей переход имущества и обязательство государства по выплате долгов умершего. Данный подход не противоречит статусу государства (что находит подтверждение в испанской доктрине³) в качестве наследника *ipso jure*, которым оно наделяется в законодательстве многих стран. Представляется целесообразным, чтобы и итальянское законодательство восприняло указанный подход и таким образом разрешило проблему противоречивого соотношения между выморочным имуществом и наследованием со стороны государства, при этом оставаясь верным частноправовой позиции, но устранив неточности.

Гражданский кодекс Бразилии 2002 г. как пример публично-правового подхода

Частноправовая точка зрения, согласно которой государство является наследником и которой мы придерживаемся в данной работе, для права Бразилии не характерна.

Несмотря на проведенную недавно реформу (принятие нового Гражданского кодекса в 2002 г. и нового Гражданско-процессуального кодекса в 2015 г.), право Бразилии фак-

¹ В ст. 442-12 и 442-13 ГК Каталонии приведены положения, регулирующие наследование в пользу Жене-ралитета Каталонии. Для того чтобы не допустить превращения наследственного имущества в бесхозяйное, Жене-ралитет не может отказаться от наследования, вступая в наследство в ходе специальной административной процедуры [Ysas Solanes 2016: 208].

² Подобные решения, предусмотренные испанским законодательством, в основном все еще не восприняты на международном уровне. Итальянская доктрина с недавних пор допустила точку зрения, схожую с принятой в Испании [Padovini 2007], хотя схожая позиция высказывалась в Италии и в более раннюю эпоху [Coviello 1937: 270].

³ В Каталонии приобретение *ipso jure* Жене-ралитетом наследственного имущества осуществляется ретроспективно с учетом судебной (а ныне административной) процедуры объявления государства наследником и согласно ст. 442-12.2 ГК Каталонии является способом принятия государством наследства [Ysas Solanes 2016: 209].

тически продолжает придерживаться публично-правовой концепции, принятой в праве Франции. Доктрина склоняется к тому, что государство не является наследником [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 292]. Это также ясно следует из ст. 1819 ГК Бразилии: в данной норме понятия выморочного и невостребованного имущества (в случае наличия которого государство приобретает наследственную массу) связаны с ситуацией, в которой отсутствуют наследники, и таким образом подчеркивается, что государство таковым не является. Согласно используемой формулировке, исключающей любую отсылку к право-преемству *mortis causa*, наследственное имущество в зависимости от его местонахождения переходит в пользу муниципалитета или федерального округа, становясь имуществом государства.

Итак, право Бразилии разграничивает выморочное и невостребованное имущество, причем считая эти два понятия достаточно близкими по сути и рассматривая их, как правило (за исключением случаев, при которых все наследники прямо отказываются от принятия наследства, согласно ст. 1823 ГК Бразилии), в свете двух этапов неисконного производства [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 292]. Первый этап, заключающийся во временном управлении имуществом, осуществляется в присутствии управляющего имуществом, которым, по общему правилу, является государственный защитник⁴. На втором этапе происходит утверждение государства на приобретение оставшихся активов наследственной массы (ст. 1820 ГК Бразилии и ст. 743 ГПК Бразилии).

Может сложиться впечатление о том, что в Бразилии, как и во Франции и в правовых системах, воспринявших публично-правовой подход, государство присваивает невостребованное наследственное имущество в результате процедуры ликвидации [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 295]. Однако право Бразилии не исключает обязательства государства по выплате долгов умершего, пусть и *intra vires*. Это вытекает из ст. 1821 ГК

⁴ Управляющий является представителем адвокатуры в соответствии со ст. 4, VI Закона 80/94 об адвокатуре. Если в конкретном округе нет государственного защитника, управляющего назначает суд. При этом не обязательно, чтобы управляющий обладал статусом адвоката, т. е. был зарегистрирован в адвокатской палате Бразилии.

Бразилии, в соответствии с которой кредиторы могут требовать выплаты по долгам в пределах стоимости активов наследственной массы.

Следуя той же логике, что и французский законодатель, придерживающийся публично-правового подхода в рассматриваемом вопросе, право Бразилии не признает автоматического перехода невостребованного имущества в пользу государства, а лишь после объявления наследственной массы невостребованной в судебном порядке [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 297]. Это означает, что принцип сесины в отношении государства не действует, хотя, по общему правилу, применяется для всех других наследников [De Oliveira Milagres 2019: 695].

Поскольку автор данного исследования не является специалистом в области бразильского права, это не позволяет ему высказывать существенную критику относительно положений, регулирующих наследственные правоотношения¹. Тем не менее как минимум на основании рассмотренного выше правила можно выразить сомнение в рациональности принятия бразильским законодателем подобных норм о наследовании государством. Вместо того, чтобы ограничиться сугубо французской традицией, ее вполне можно было обойти, не создавая норм, в значительной степени контрастирующих с наследственным правом Бразилии в целом.

Регламент ЕС № 650/2012

Статья 21 Регламента ЕС № 650/2012 предусматривает критерий (с некоторыми исключениями), согласно которому в отношении наследования применяется право страны, в которой наследодатель на момент смерти имел обычное место жительства. Это свело традиционный для итальянского законодательства принцип [Calò 2013: 549] (и сегодня действующий согласно ст. 46 Закона от 1995 г. № 218), предусматривающий привязку, связанную с гражданством лица, к исключительным случаям соответствующего прямо выраженного выбора со стороны наследодателя (ст. 22 Регламента) [Barel, Armellini 2017: 236].

¹ При этом в бразильской доктрине есть множество соответствующих критических работ. См., например, критику положений, касающихся прав супруга и фактического сожителя: [De Carvalho Gomes 2019: 725].

Закон, принимаемый в соответствии с вышеупомянутым правилом, должен учитывать принцип сохранения единства наследства². Однако ст. 33 Регламента («Невостребованное наследственное имущество») представляет собой исключение из указанного принципа. Она гласит: «В ситуации, когда, в соответствии с правом, применимым к наследованию в соответствии с настоящим Регламентом, после смерти владельца какое-либо имущество не находит наследника или отказополучателя и ни одно физическое лицо по закону не является наследником, применение соответствующих правовых норм не лишает государство-члена Европейского союза или назначенный им с этой целью орган их права обратиться в свою собственность имущество, находящееся на его территории, при условии что кредиторы имеют право добиваться удовлетворения своих требований за счет всего имущества в целом».

Право Бразилии не признает автоматического перехода невостребованного имущества в пользу государства, а лишь после объявления наследственной массы невостребованной в судебном порядке

В первую очередь приведенная выше статья предполагает необходимость определить факт наличия невостребованного имущества (т. е. отсутствие наследников по закону и по завещанию, а также иных лиц, имеющих право наследования в соответствии с законом) согласно праву страны, применимому к конкретным наследственным правоотношениям [Wautelet, Salvadori 2015: 439]. В данном случае ст. 33 допускает преобладание *lex rei sitae* над правом, применимым к наследственным правоотношениям, т. е. позволяет государству, которое приняло Регламент и законодательство которого предусматривает соответствующие положения, приобретать наследственное

² В судебной практике см.: Corte giust. UE, 21 giugno 2018, causa C-20/17 // Not. 2019. P. 79 ss. В доктрине подчеркивается, что данный принцип является традиционным для Италии, но не для многих других стран, например, не для Соединенного Королевства, где движимое и недвижимое имущество, входящее в состав наследственной массы, регулируется по-разному [Ballarino, Ballarino, Petrelli 2016: 232]. Подобный подход применялся и во Франции до вступления Регламента в силу [Houssier 2018: 59].

имущество, расположенное на его территории, таким образом, создавая норму материального права [Vagni 2018: 294].

Иными словами, согласно ст. 33 право, применимое к наследственным правоотношениям, сохраняет свое действие в отношении не востребованного имущества, а государство, имеющее право на приобретение такого имущества в соответствии со своим законодательством, может воспользоваться данным правом применительно к любому имуществу, даже тому, которое находится за пределами этого государства [Damascelli 2013: 110; Mosconi, Campiglio 2016: 278]. Исключения составляют случаи, в которых имущество находится на территории государства, где оно подлежит присвоению в силу *jus imperii*. Согласно Регламенту подобная коллизия будет разрешена в пользу государства, в котором расположено имущество.

Заметим также, что Регламент предусматривает положение в защиту кредиторов, на которую не может повлиять применение принципа *lex rei sitae* [Lagarde 2015: 170]. Речь идет о норме материального права, согласно которой обязательства по долгам являются одной из основных характеристик наследования в силу универсального правопреемства [Damascelli 2013: 110]. Данная норма, несомненно, заслуживает положительной оценки [Davi, Zanobetti 2014: 188], так как она выводит на первый план проблему эффективной защиты интересов кредиторов, а также обеспечивает точность в вопросе перехода наследственного имущества.

Несмотря на достаточно эффективное вышеупомянутое положение, ст. 33, обуславливающая, кроме прочего, и возникновение

достаточно сложных проблем в силу разнообразия вариантов ее толкования, преследует цель уравновесить привилегированное, в соответствии с *communis opinio* [Vagni 2018: 284, 290; Brox, Walker 2018: 52], положение государств, придерживающихся частноправового подхода, с положением государств, следующих публично-правовой точке зрения [Vagni 2018: 296; Mosconi, Campiglio 2016: 278].

Заключение

Частноправовая концепция, применяемая во многих правопорядках, а также рекомендуемая к применению, в том числе, в Италии, постепенно приобретает значимую роль, как минимум, в государствах, следующих римской правовой традиции, и преобладает в большинстве государств-членов Европейского союза [Nikolaou 2017: 393]. Тем не менее некоторые правопорядки, придерживающиеся римской традиции и претерпевшие в недавнее время значительное реформирование (например, в Бразилии), остаются верны публично-правовому подходу, происходившему из Средневековья. Он и сегодня в некоторой степени поддерживается, хотя и сугубо с точки зрения международного частного права, что нашло отражение в Регламенте ЕС № 650/2012, посвященном трансграничному наследованию.

По нашему мнению, позиции, принятой в законодательстве Германии, Испании и Италии, должно быть отдано предпочтение в будущем, в целесообразности чего можно убедиться путем рассмотрения данного вопроса с использованием сравнительно-исторического подхода.

Список литературы

- Allara M. La successione familiare suppletiva. Torino, 1954. 300 p.
- Astolfi R. I beni vacanti e la legislazione caducaria // *Bullettino dell'Istituto di Diritto Romano* «Vittorio Scialoja». 1965. № 7. P. 323–336.
- Azzariti G., Iannaccone A. Successioni dei legittimari e successioni dei legittimi. 3a ed. Torino, 1997. 509 p.
- Ballarino T., Ballarino E., Petrelli I. *Diritto internazionale privato italiano*. 8a ed. Milano, 2016.
- Barassi L. Le successioni per causa di morte. 3a ed. Milano, 1947. 466 p.
- Barel B., Armellini S. *Manuale breve. Diritto internazionale privato*. 12a ed. Milano, 2017. 458 p.
- Baudry-Lacantinerie G. *Précis de droit civil*. 10a ed. Paris, 1910. Vol. III. 614 p.
- Bianca C. M. *Diritto civile. Le successioni* 2.2. Milano, 2015. 427 p.
- Bierhenke M. *Aspects de droit successoral allemande // Les successions en droit comparé / a cura di Z. Ancel-Liojer, E. Calò*. Napoli, 2016. 336 p.

- Bonilini G.* Manuale di diritto ereditario e delle donazioni. 9a ed. Milano, 2018. 525 p.
- Brox H., Walker W.-D.* Erbrecht. 28a ed. München, 2018. 552 p.
- Calò E. L.* L'inarrestabile declino della cittadinanza altrui: il Regolamento (UE) n. 650/2012 del luglio 2012 // *Il Corriere giuridico*. 2013. P. 549–558.
- Cámara Lapuente S.* Intestate Succession in Spain // *Comparative Succession Law*. Vol. II: Intestate Succession / ed. by K. G. C. Reid, M. J. De Waal, R. Zimmermann. Oxford, 2015. P. 96–117.
- Catalano P.* Populus Romanus Quirites. Torino, 1974. 175 p.
- Chaves De Farias C., Rosenvald N.* Curso de Direito Civil. Sucessões. 5a ed. Salvador, 2019. 656 p.
- Ciatti A.* La successione dello Stato // *Diritto delle successioni e delle donazioni* / a cura di R. Calvo, G. Perlingieri. 2a ed. Napoli, 2013. 724 p.
- Cicu A.* La nozione di erede nel diritto italiano vigente // *Studi dedicati alla memoria di P. P. Zanzucchi*. Milano, 1927. 619 p.
- Cicu A.* Le successioni. Parte generale – Successione legittima e dei legittimari – Testamento. Milano, 1947. 417 p.
- Comparative Succession Law* / ed. by K. G. C. Reid, M. J. De Waal, R. Zimmermann. Oxford: Oxford University Press, 2015. Vol. II: Intestate Succession in Historical and Comparative Perspective. 490 p.
- Coviello L.* Successione legittima e necessaria. Milano, 1937. 357 p.
- Damascelli D.* Diritto internazionale privato delle successioni a causa di morte. Milano, 2013. 162 p.
- Davì A., Zanobetti A.* Il nuovo diritto internazionale privato europeo delle successioni. Torino, 2014. 308 p.
- De Carvalho Gomes E.* Il regime successorio del coniuge e del convivente di fatto nel diritto brasiliano // *Casi controversi in materia di diritto delle successioni*. Vol. II: Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019.
- De Oliveira Milagres M.* Nuove tendenze del diritto delle successioni brasiliano con particolare riguardo alla trasmissione mortis causa del possesso e al diritto reale di abitazione // *Casi controversi in materia di diritto delle successioni*. Vol. II: Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019. 569 p.
- Di Lorenzo G.* L'eredità giacente. Milano, 2009. 1712 p.
- Díez-Picazo L., Gullón A.* Sistema de derecho civil. 12a ed. Madrid, 2017. Vol. IV. T. 2: Derecho de sucesiones. 307 p.
- Dusi B.* La eredità giacente nel diritto romano e moderno (Torino, 1891) // *Scritti giuridici*. II / a cura di P. Schlesinger. Torino, 1956. 619 p.
- Fusaro An.* Tendenze del diritto privato in prospettiva comparatistica. 2a ed. Torino, 2017. 576 p.
- Gabba C. F.* Indole del diritto dello Stato sulle successioni vacanti // *Nuove questioni di diritto civile*. II. Torino, 1914. 351 p.
- Galicía Aizpurua G.* Una proposta dottrinale di riforma del sistema successorio nel Codice civile spagnolo // *Casi controversi in materia di diritto delle successioni*. Vol. II. Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019. 569 p.
- García Garrido M. J.* Diritto privato romano. 2a ed. / a cura di M. Balzarini. Padova, 1996. 650 p.
- Gazzoni F.* Manuale di diritto privato. 18a ed. Napoli, 2017. 1696 p.
- Grimaldi M.* Droit des successions. 7a ed. Paris, 2017. 852 p.
- Grosso G., Burdese A.* Le successioni – Parte generale. Torino: UTET, 1977. 574 p.
- Guarino A.* Diritto privato romano. Jovene, 2001. 1110 p.
- Houssier J.* Droit des successions et des libéralités. Paris, 2018. 210 p.
- Kindler P.* Le successioni a causa di morte nel diritto tedesco: profili generali e successione nei beni produttivi // *Rivista di diritto civile*. 2015. Vol. 61. № 2. P. 359–384.
- Kroib L.* Sub § 1936 BGB // *NomosKommentar BGB – Erbrecht* / (Hrsg.) L. Kroib, C. Ann, J. Mayer. Baden-Baden, 2018. 272 p.
- Lagarde P.* Sub art. 33 // *Bergquist U., Damascelli D., Frimston R. et al.* EU Regulation on Succession and Wills – Commentary. Koeln, 2015. 400 p.

- Lange K. W., Tischer R. P.* Familien- und Erbrecht. 4 Aufl. München, 2017. 353 p.
- Leroyer A.-M.* Droit des successions. Le Cours Dalloz, 2020. 524 p.
- Lovato A., Puliatti S., Solidoro L.* Diritto privato romano / a cura di G. Giapichelli. Torino, 2017. 800 p.
- Mandriñán Vázquez M.* La herencia yacente // Tratado de derecho se sucesiones / Gete-Alonso Y Calera M. D. C. (dir.), Solé Resina J. (coor.) 2a ed. Cizur Menor (Navarra), 2016. T. II. 2976 p.
- Mengoni L.* Successioni per causa di morte. Parte speciale, Successione legittima. 6a ed. Milano, 1999. 286 p.
- Mosconi F., Campiglio C.* Diritto internazionale privato e processuale. II. Statuto personale e diritti reali. 4a ed. Milano, 2016. 700 p.
- Natoli U.* L'amministrazione dei beni ereditari. I. L'amministrazione durante il periodo antecedente all'accettazione dell'eredità. 2a ed. Milano, 1968. 363 p.
- Nieto Alonso A.* La sucesión intestada en el derecho civil de Galicia // Tratado de derecho se sucesiones / Y. Gete-Alonso, M. D. C. Calera (dir.), J. Sole Resina (coor.). 2a ed. Cizur Menor (Navarra), 2016. T. II.
- Nikolaou E.* Comment to Article 33 // EU Succession Regulation No 650/2012 / ed. by H. P. Pamboukis. Athens; München; Oxford; Baden-Baden, 2017. 741 p.
- Olzen D., Looschelders D.* Erbrecht. 5 Aufl. Berlin; Boston, 2017. 508 p.
- Padovini F.* La successione del coniuge, dei parenti e dello Stato // Tradizione e modernità nel diritto successorio / a cura di S. Delle Monache. Padova, 2007. 113 s.
- Planiol M., Ripert G.* Traité pratique de droit civil français. IV. Successions. 2a ed. Con la collaborazione di J. Maury e H. Vialleton. Paris, 1956. 875 p.
- Riva I.* Certificato successorio europeo. Tutele e vicende acquisitive. Napoli, 2017. 228 p.
- Rizzuti M.* La posizione dello Stato quale erede // Successioni per causa di morte – Esperienze e argomenti / a cura di V. Cuffaro. Torino, 2015. 768 p.
- Röthel A.* Stiftungserbrecht statt Staatserbrecht // Non Profit Law Yearbook. 2007. Vol. 189. 380 p.
- Sánchez Calero F. J.* Conceptos Fundamentales del Derecho de Sucesiones // Curso de Derecho Civil. IV: Derechos de Familia y Sucesiones / a cura di F. J. Sánchez Calero. 9a ed. Valencia: Tirant lo Blanch, 2019. 760 p.
- Santoro-Passarelli F.* Teoria della successione legittima dello Stato. Messina, 1931. 812 p.
- Savigny F. C. von.* Sistema del diritto romano attuale. Trad. di V. Scialoja. Torino, 1898. Vol. VIII. 622 p.
- Schmidt J. P.* Intestate Succession in Latin America // Comparative Succession Law. Vol. II. Intestate Succession / ed. by K. G. C. Reid, M. J. De Waal, R. Zimmerman. Oxford, 2015. P. 118–158.
- Spotti F.* Lo Stato // Trattato di diritto delle successioni e donazioni / dir. da G. Bonilini. III: La successione legittima. Milano, 2009. 1184 p.
- Talamanca M.* Istituzioni di diritto romano. Milano, 1990. 838 p.
- Tamburrino G.* Voce Successione legittima (dir. priv.) // Enciclopedia del diritto. Milano, 1990. XLIII. 1351 p.
- Tarabal Bosch J.* La successione legale in Spagna: approccio classico e recenti sviluppi // Casi controversi in materia di diritto delle successioni. Vol. II. Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019. 569 p.
- Terré F., Lequette Y., Gaudemet S.* Droit civil. Les successions. Les libéralités. Precis, 2013. 1184 p.
- Trabucchi A.* Istituzioni di diritto civile / a cura di G. Trabucchi. 49a ed. Milano, 2019. 1856 p.
- Trabucchi A., Rasi Caldogno A.* Successione legittima // Noviss. Dig. it. 1971. XVIII. 786 p.
- Vagni L.* La successione dello Stato. Profili di diritto comparato ed europeo // Diritto delle successioni e della famiglia. 2018. 1. 1376 p.
- Velo Dalbrenta D.* Introduzione. Quod non capit Christus, rapit fiscus // Imposizione fiscale e libertà. Sottrarre e ridistribuire risorse nella società contemporanea / a cura di D. Velo Dalbrenta. Torino, 2018. 220 p.
- Voci P.* Istituzioni di diritto romano. 6a ed. Milano, 2004. 646 p.

Wautelet P., Salvadori M. Sub art. 33 // Il regolamento europeo sulle successioni / a cura di A. Bonomi, P. Wautelet. Milano: Giuffr  Editore, 2015. 800 p.

Yildirim G. Succession vacante ou en d sh rence // Encyclop die du Juris Classeur: Civil Code. LexisNexis, 2017.

Ys s Solanes M. La sucesi n intestada en catalu a // Tratado de derecho se sucesiones / Y. Ge-te-Alonso, M. D. C. Calera (dir.), J. Sole Resina (coor.). 2a ed. Cizur Menor (Navarra), 2016. T. II.

Zimmerman R. Il diritto ereditario dei parenti in prospettiva storico-comparatistica // Familia. 2016. № 1–2. P. 21–70.

Мауро Тескаро – доктор наук, профессор Университета Вероны. 37122, Италия, Верона, ул. Сантиссима Тринита д. 7, эт. 2, каб. 10. E-mail: mauro.tescaro@univr.it.

ORCID: 0000-0001-8064-9915

Переводчик и автор комментариев: **Фарида Джамаловна Бунятова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры английского языка № 8 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации. 119192, Российская Федерация, Москва, Мичуринский проспект, 21/111. E-mail: faridabouniatova@hotmail.com.

ORCID: 0000-0002-4324-5716

State’s Right to Escheat: Roman Law Perspective

The issue of unclaimed property is of vital importance for the legislation of every state. Even in cases where the circle of heirs includes an unlimited number of relatives, the issue might not be resolved properly. With this regard, it is crucial to study the ways various jurisdictions govern the issue of an escheated property.

In terms of state succession of unclaimed property, there are recently reformed jurisdictions upholding the Roman legal tradition (e. g., Brazil), however following a publicist approach which originated in the Middle Ages and developed in France and has so far been reinstated in the 2012 EU Regulation on cross-border succession, albeit from the private international law standpoint. The publicist approach does not consider the state’s rights and obligations to be equal to those of the heirs. The opposite, privatist approach, dominating in Germany, Spain and Italy (to mention just few among many civil law states which have adopted it) recognizes the state as another legal heir. According to the author, this approach should be favored more. This statement is well-grounded if analyzed from a comparative historical perspective, thus paying due attention to the teachings of Roman law and adapting them to the modern reality.

Keywords: inheritance law, legal succession, escheat, unclaimed property, European private law, Roman tradition

Recommended citation

Tescaro M. Nasledovanie imushchestva gosudarstvom skvoz’ prizmu rimskoi pravovoi traditsii [State’s Right to Escheat: Roman Law Perspective], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 69–86, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_69.

References

Allara M. *La successione familiare suppletiva*, Torino, 1954, 300 p.

Astolfi R. I beni vacanti e la legislazione caducaria, *Bullettino dell’Istituto di Diritto Romano «Vittorio Scialoja»*, 1965, no. 7, pp. 323–336.

Azzariti G., Iannaccone A. *Successioni dei legittimari e successioni dei legittimi*, 3a ed., Torino, 1997, 509 p.

Ballarino T., Ballarino E., Petrelli I. *Diritto internazionale privato italiano*, 8a ed., Milano, 2016.

Barassi L. *Le successioni per causa di morte*, 3a ed., Milano, 1947, 466 p.

Barel B., Armellini S. *Manuale breve. Diritto internazionale privato*, 12a ed., Milano, 2017, 458 p.

- Baudry-Lacantinerie G. *Précis de droit civil*, 10a ed., Paris, 1910, vol. III, 614 p.
- Bianca C. M. *Diritto civile*, 2-2, *Le successioni*, Giuffrè, Milano, 2015, 427 p.
- Bierhenke M. *Aspects de droit successoral allemande, Les successions en droit comparé* / a cura di by Z. Ancel-Lioger, E. Calò, Napoli, 2016, 336 p.
- Bonilini G. *Manuale di diritto ereditario e delle donazioni*, 9a ed., Milano, 2018, 525 p.
- Brox H., Walker W.-D. *Erbrecht*, 28a ed., München, 2018, 552 p.
- Calò E. L. L'inarrestabile declino della cittadinanza altrui: il Regolamento (UE) n. 650/2012 del luglio 2012, *Il Corriere giuridico*, 2013, pp. 549–558.
- Cámara Lapuente S. *Intestate Succession in Spain*, Reid K. G. C., De Waal M. J., Zimmermann R. (eds.) *Comparative Succession Law*, vol. II: Intestate Succession, Oxford, 2015, pp. 96–117.
- Catalano P. *Populus Romanus Quirites*, Torino, 1974, 175 p.
- Chaves De Farias C., Rosendal N. *Curso de Direito Civil. Sucessões*, 5a ed., Salvador, 2019, 656 p.
- Ciatti A. *La successione dello Stato* // Calvo R., Perlingieri G. Napoli (eds.) *Diritto delle successioni e delle donazioni*, 2a ed., Napoli, 2013, 724 p.
- Cicu A. *La nozione di erede nel diritto italiano vigente, Studi dedicati alla memoria di P. P. Zanzucchi*, Milano, 1927, 619 p.
- Cicu A. *Le successioni. Parte generale – Successione legittima e dei legittimari – Testamento*, Milano, 1947, 417 p.
- Coviello L. *Successione legittima e necessaria*, Milano, 1937, 357 p.
- Damascelli D. *Diritto internazionale privato delle successioni a causa di morte*, Milano, 2013, 162 p.
- Davì A., Zanobetti A. *Il nuovo diritto internazionale privato europeo delle successioni*, Torino, 2014, 308 p.
- De Carvalho Gomes E. *Il regime successorio del coniuge e del convivente di fatto nel diritto brasiliano*, E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni, vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019.
- De Oliveira Milagres M. *Nuove tendenze del diritto delle successioni brasiliano con particolare riguardo alla trasmissione mortis causa del possesso e al diritto reale di abitazione*, Arroyo Amayuelas E., Baldus C., De Carvalho Gomes E. et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni, vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019, 569 p.
- Di Lorenzo G. *L'eredità giacente*, Milano, 2009, 1712 p.
- Díez-Picazo L., Gullón A. *Sistema de derecho civil*, 12a ed., Madrid, 2017, vol. IV, t. 2: Derecho de sucesiones, 307 p.
- Dusi B. *La eredità giacente nel diritto romano e moderno (Torino, 1891)*, Schlesinger P. (ed.) *Scritti giuridici. II*, Torino, 1956, 619 p.
- Fusaro An. *Tendenze del diritto privato in prospettiva comparatistica*, 2a ed., Torino, 2017, 576 p.
- Gabba C. F. *Indole del diritto dello Stato sulle successioni vacanti, Nuove questioni di diritto civile. II*, Torino, 1914, 351 p.
- Galicia Aizpurua G. *Una proposta dottrinale di riforma del sistema successorio nel Codice civile spagnolo*, Arroyo Amayuelas E., Baldus C., De Carvalho Gomes E. et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni. Vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019, 569 p.
- García Garrido M. J. *Diritto privato romano*, 2a ed., Padova, 1996, 650 p.
- Gazzoni F. *Manuale di diritto privato*, 18a ed., Napoli, 2017, 1696 p.
- Grimaldi M. *Droit des successions*, 7a ed., Paris, 2017, 852 p.
- Grosso G., Burdese A. *Le successioni – Parte generale*, Torino, UTET, 1977, 574 p.
- Guarino A. *Diritto privato romano*, Jovene, 2001, 1110 p.
- Houssier J. *Droit des successions et des libéralités*, Paris, 2018, 210 p.
- Kindler P. Le successioni a causa di morte nel diritto tedesco: profili generali e successione nei beni produttivi, *Rivista di diritto civile*, 2015, vol. 61, no. 2, pp. 359–384.
- Kroib L. *Sub § 1936 BGB*, Kroib L., Ann C., Mayer J. (Hrsg.) *NomosKommentar BGB – Erbrecht*, 5 Aufl., Baden-Baden, 2018, 272 p.

- Lagarde P. *Sub art. 33*, Bergquist U., Damascelli D., Frimston R. et al. *EU Regulation on Succession and Wills – Commentary*, Koeln, 2015, 400 p.
- Lange K. W., Tischer R. P. *Familien- und Erbrecht*, 4 Aufl., München, 2017, 353 p.
- Leroyer A.-M. *Droit des successions*, Le Cours Dalloz, 2020, 524 p.
- Lovato A., Puliatti S., Solidoro L. *Diritto privato romano*, Torino, 2017, 800 p.
- Mandriñán Vázquez M. *La herencia yacente*, Gete-Alonso Y Calera M. D. C. (dir.), Solé Resina J. (coor.) *Tratado de derecho se sucesiones*, 2a ed., Cizur Menor, (Navarra), 2016, t. II, 2976 p.
- Mengoni L. *Successioni per causa di morte. Parte speciale, Successione legittima*, 6a ed., Milano, 1999, 286 p.
- Mosconi F., Campiglio C. *Diritto internazionale privato e processuale. II. Statuto personale e diritti reali*, 4a ed., Milano, 2016, 700 p.
- Natoli U. *L'amministrazione dei beni ereditari. I. L'amministrazione durante il periodo antecedente all'accettazione dell'eredità*, 2a ed., Milano, 1968, 363 p.
- Nieto Alonso A. *La sucesión intestada en el derecho civil de Galicia // Gete-Alonso Y., Calera M. D. C. (dir.), Sole Resina J. (coor.) Tratado de derecho se sucesiones*, 2a ed., Cizur Menor (Navarra), 2016, t. II.
- Nikolaou E. *Comment to Article 33*, Pamboukis H. P. (ed.) *EU Succession Regulation No 650/2012*, Athens, München, Oxford, Baden-Baden, 2017, 741 p.
- Olzen D., Looschelders D. *Erbrecht*, 5 Aufl., Berlin, Boston, 2017, 508 p.
- Padovini F. *La successione del coniuge, dei parenti e dello Stato*, S. Delle Monache (ed.) *Tradizione e modernità nel diritto successorio*, Padova, 2007, 113 p.
- Planiol M., Ripert G. *Traité pratique de droit civil français. IV. Successions*, 2a ed, con la collaborazione di J. Maury e H. Vialleton, Paris, 1956, 875 p.
- Reid K. G. C., De Waal M. J., Zimmermann R. (eds.) *Comparative Succession Law*, Oxford, Oxford University Press, 2015, vol. II: Intestate Succession in Historical and Comparative Perspective Intestate Succession, 490 p.
- Riva I. *Certificato successorio europeo. Tutela e vicende acquisitive*, Napoli, 2017, 228 p.
- Rizzuti M. *La posizione dello Stato quale erede*, Cuffaro V. (ed.) *Successioni per causa di morte – Esperienze e argomenti*, Torino, 2015, 768 p.
- Röthel A. *Stiftungserbrecht statt Staatserbrecht*, *Non Profit Law Yearbook*, 2007, vol. 189, 380 p.
- Sánchez Calero F. J. *Conceptos Fundamentales del Derecho de Sucesiones*, Sánchez Calero F. J. (ed.) *Curso de Derecho Civil. IV: Derechos de Familia y Sucesiones*, 9a ed., Valencia, Tirant lo Blanch, 2019, 760 p.
- Santoro-Passarelli F. *Teoria della successione legittima dello Stato*, Messina, 1931, 812 p.
- Savigny F. C. Von. *Sistema del diritto romano attuale. Trad. di V. Scialoja*. Torino, 1898, vol. VIII, 622 p.
- Schmidt. J. P. *Intestate Succession in Latin America*, Reid K. G. C., De Waal J. M., Zimmerman R. (eds.) *Comparative Succession Law. Vol. II: Intestate Succession*, Oxford, 2015, pp. 118–158.
- Spotti F. *Lo Stato*, G. Bonilini (dir.) *Trattato di diritto delle successioni e donazioni III: La successione legittima*, Milano, 2009, 1184 p.
- Talamanca M. *Istituzioni di diritto romano*, Milano, 1990, 838 p.
- Tamburrino G. *Voce Successione legittima (dir. priv.)*, *Enciclopedia del diritto*, Milano, 1990, XLIII, 1351 p.
- Tarabal Bosch J. *La successione legale in Spagna: approccio classico e recenti sviluppi*, Arroyo Amayuelas E., Baldus C., De Carvalho Gomes E. et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni. Vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019, 569 p.
- Terré F., Lequette Y., Gaudemet S. *Droit civil. Les successions. Les libéralités*, *Precis*, 2013, 1184 p.
- Trabucchi A. *Istituzioni di diritto civile*, 49a ed., Milano, 2019, 1856 p.
- Trabucchi A., Rasi Caldugno A. *Successione legittima*, *Noviss. Dig. it.*, 1971, XVIII, 786 p.
- Vagni L. *La successione dello Stato. Profili di diritto comparato ed europeo*, *Diritto delle successioni e della famiglia*, 2018, 1, 1376 p.

Velo Dalbrenta D. *Introduzione. Quod non capit Christus, rapit fiscus*, Velo Dalbrenta D. (ed.) *Imposizione fiscale e libertà. Sottrarre e ridistribuire risorse nella società contemporanea*, Torino, 2018, 220 p.

Voci P. *Istituzioni di diritto romano*, 6a ed., Milano, 2004, 646 p.

Wautelet P., Salvadori M. *Sub art. 33*, Bonomi A., Wautelet P. (eds.) *Il regolamento europeo sulle successioni*, Milano, Giuffré Editore, 2015, 800 p.

Yildirim G. *Succession vacante ou en déshérence*, *Encyclopédie du JurisClasseur: Civil Code*, LexisNexis, 2017.

Ysàs Solanes M. *La sucesión intestada en cataluña*, Gete-Alonso Y., Calera M. D. C. (dir.), Sole Resina J. (coor.) *Tratado de derecho se sucesiones*, 2a ed., Cizur Menor (Navarra), 2016, t. II.

Zimmerman R. Il diritto ereditario dei parenti in prospettiva storico-comparatistica, *Familia*, 2016, no. 1–2, pp. 21–70.

Mauro Tes caro – doctor of law, associate professor, University of Verona. 37122, Italy, Verona, 7 via Santissima Trinità, floor 2, room 10. E-mail: mauro.tescaro@univr.it.

ORCID: 0000-0001-8064-9915

Translation and comments: **Farida Buniatova** – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of English language no. 8, Moscow State University of International Relations. 119192, Russian Federation, Moscow, Michurinskiy ave., 21/111. E-mail: faridabouniatova@hotmail.com.

ORCID: 0000-0002-4324-5716

Дата поступления в редакцию / Received: 13.09.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.10.2022

А. Н. Митин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ДИСЦИПЛИН С ПРИМЕНЕНИЕМ СИНЕРГИЙНЫХ И ПЕРСУАЗИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Коррупция во всех ее проявлениях признается как система, которой государство вместе с институтами гражданского общества тоже должно противопоставить более эффективную систему, в которой особое значение имеют антикоррупционные технологии, организационные и правовые механизмы. Антикоррупционное образование в этом случае становится ключевым инструментарием при формировании у молодых людей мышления, основанного на безусловном неприятии коррупции при решении профессиональных и личных задач. Использование синергийных и персуазивных технологий многократно обогащает традиционные педагогические практики.

Персуазивная технология означает воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия. В этом случае появляется возможность вести диалог о положительных результатах борьбы с коррупцией в сочетании с критическим мышлением. Синергийные технологии в свою очередь выступают средством интеграции прямых и не прямых участников учебного процесса.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное образование, педагогическая практика, синергийные технологии, персуазивные технологии

Для цитирования

Митин А. Н. Специфика преподавания в вузе антикоррупционных дисциплин с применением синергийных и персуазивных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 87–92. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_87.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_87

В обществе постепенно укрепляется понимание того, что угрозы коррупции увеличиваются, а правовые запреты не могут быть единственным средством организационно-правового воздействия на видоизменяющиеся коррупционные практики. Они «мутируют», изобретательно преодолевают запреты, но сама коррупция неизменно выступает следствием дисфункции бюрократической машины государства.

Если коррупционный процесс осуществляется в достаточно крупных масштабах, то он начинает формировать образ жизни, мировоззрение, коррупционную иерархию с наличием определенных полномочий у участников,

имеющих доступ к распределению различных видов ресурсов. Эрик Фромм писал: «Хотя бюрократы вызывают не меньший ужас, чем садисты, они на самом деле страшнее, потому что они даже не ощущают противоречия между совестью и долгом: совесть приказывает им выполнять свой долг, а человек как объект сострадания и доброты для них вообще не существует. В этом случае, действительно, законы – вторичное явление» [Фромм 2006].

Следствия влияния коррупции как системы таковы: на своем уровне управления коррумпированное чиновничество порождает искаженное коррупционными интересами законодательство, позволяющее безнаказан-